

АССОЦИАТИВНО-ЭМОТИВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗА КОТА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.РУЗАНКИНОЙ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

© 2014 Е.А.Жиндеева¹, Ю.И.Щанкина²

¹ Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е.Евсевьева

² Мордовский государственный университет имени Н.П.Огарева

Статья поступила в редакцию 23.06.2014

В статье представлен исследовательский материал, касающийся ассоциативно-эмотивного представления образа кота в творчестве современной писательницы Натальи Рузанкиной. За основу рассуждений взяты сложившиеся традиции изображения животного в художественных образцах и обоснование авторского понимания функций образа кота как видоизменяемости категории добра и зла в процессе специфики изображения конфликта.

Ключевые слова: традиции, новаторство, образ кота, конфликт, авторская рефлексия, приемы изображения действительности, авторское сознание.

Одним из самых распространенных второстепенных образов в современной русской литературе, на наш взгляд, является образ кота (кошки). И дело здесь не только в антропоморфизме как закономерном для художественной литературы явлении. Соглашаясь с тем, что «антропоморфизация реальности, сохраняя свое место в структуре сознания и культуры, продолжает оставаться важным способом описания мира»¹, выявим основные ассоциативно-эмотивные пределы функционирования конкретного персонажа (кота) в художественной картине мира Натальи Рузанкиной, одной из ярких представительниц «женской» прозы Мордовии.

В незначительной степени прозаическое творчество Натальи Рузанкиной уже становилось объектом нашего внимания, о чем свидетельствует ряд публикаций². Однако планомерного монографического исследования, посвященного творчеству (и прозаическому, и поэтическому) данного автора, до настоящего времени не существует, поскольку ее литера-

турное наследие, как правило, рассматривается в пределах существования женской литературы в современном литературном процессе Мордовии. Между тем, есть значительные ракурсы творческого потенциала писательницы, требующие отдельного исследования. К таковым, на наш взгляд, можно отнести специфику изображения животного мира, в котором преобладает изображение именно кота (кошки). Отчасти это можно объяснить пристрастием автора, отчасти – многомерной литературной традицией, существующей в литературе в целом.

В народных представлениях кошка всегда наделяется многозначной символикой и функциями. В мифологии как отражении сознания этноса кошачий образ бинарен: кошка может одновременно выполнять функции демона и хранителя, противостоящего темным силам. В истории мировой культуры известны различные функции образов котов. Перечислим самые распространенные: «кошка-демон», «кошка-домовой», «кошка-творец» и «кошка-разрушитель», «кошка-проводник». Кот является излюбленным персонажем народных сказок, что становится известно читателю с раннего детства (например, колыбельные).

Культ кошки как демонического (или сверхъестественного) существа был распространен во многих древних культурах. Так, например, в Древнем Египте богиня красоты и плодородия Баст (Бастет) изображалась в виде черной кошки, или как женщина с кошачьей головой, одним из ее атрибутов является эгида с головой кошки, которая довольно часто предлагается у Н.Рузанкиной как второстепенная деталь, характеризующая главную героиню (например, в повести «Возраст, которого не было»). Сама же Бастет предстает в повести «Король и Тварь». В данном произведении есть

⁰ Жиндеева Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, кафедра литературы и методики обучения литературе. E-mail: jindeeva@mail.ru
Щанкина Юлия Ивановна, кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы. E-mail: julija1704@mail.ru

¹ Антропоморфизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://enc-dic.com/> (26.06.2014).

² Жиндеева Е.А. По координатам жизни: эволюция русскоязычной прозы Мордовии: монография. – Саранск: 2006. – С. 36 – 48; Православные традиции и поиски себя в русской прозе Мордовии конца XX – начала XXI века: монография / Жиндеева Е.А., Палькина Т.Н., Уторова Е.А. [и др.]. – Саранск: 2010. – С. 62 – 96.; Щанкина Ю.И. Общие закономерности разработки социально-значимых тем в современной русской литературе // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – №3. – С.57 – 59.

прямое указание на увлечение автора цивилизацией древнего Египта, где сами животные считались не настоящими богами, а их земными воплощениями. Так, по теории египетской культуры, все кошки считались воплощением богини плодородия Баст. Поэтому не случайно девушку в повести оберегает найденная ею белая кошечка. И при первом призыве к помощи, обращенному к животному, кошка превращается в Бастет, величайшую из богинь Египта. «Блеснула узкая полоска из невесомого коридора времени, и в белом свете, на фоне книг-судеб возникла фигура женщины с обнаженной грудью и кошачьей головой. Ее пластике могла бы позавидовать величайшая из танцовщиц мира, медленно перебирая узкими ступнями в золотых сандалиях, женщина стала за спиной Твари, и простерла над головой руки, на которых теплой зеленью вспыхнули нефритовые запястья. Тварь вскрикнула и прижалась к полу»³.

Сцены битвы добра и зла часто встречаются в произведениях подобного рода. Но диффузность, неясность, нечеткость определений зла и добра заставляют читателя не просто усомниться в правильности поступков главной героини, но и воспринимать ее уже в самом начале повествования как часть этого противостояния. Свидетельством чему в творчестве Натальи Рузанкиной становится образ Юлии из повести «Девочка и Слово».

В центре повествования – девятилетняя девочка, брошенный, умственно неполноценный ребенок, и ожесточенные внешними обстоятельствами взрослые люди. Отмечая осознание стереотипов современного обывателя, повествователь останавливается на эволюции умственных процессов у девочки и нравственной деградации большинства взрослых, волей судеб работающих с ущербными детьми. И если для воспитателей значительно важнее внешние симптомы проявления болезни глухонемой девочки, которая погружена, по их мнению, в пустоту, то для читателя эквивалентом развития ребенка становится ее творчество. Примечательно, что заступником, советчиком и спасителем для Юли становится нарисованный ею крылатый кот. Вообще кот (кошка) с нефритовыми глазами – фирменный знак Н.Рузанкиной, ее авторское клеймо, уже встречаемое в произведениях «Король и Тварь», «Кот» и др. Но в анализируемом повествовании автор наделяет животное «живыми, трепещущими под рукой крыльями», тем самым подчеркивая сумеречность сознания девочки. Перед воспитательницей, ратующей за применение к Юли эвтаназии, сошедший с альбомной странички кот

предстает в форме скопления темноты, сопровождаемой мягкими, осторожными шагами и странными звуками, похожими на мурлыканье. Он способен на убийство. Это в целом не противоречит известным случаям аномалии развития животных. Известны крылатые коты из китайских городов Чунцин, Саньянг. Описываются подобные случаи появления крылатых котов и кошек и в Британии. «Прежде этот феномен не могли объяснить и просто относили к разряду аномалий. Но в начале 1990-х гг. ответ был найден: это генетическое заболевание – кожная астения. Из-за этой болезни кожа животного приобретает повышенную эластичность, особенно в области спины и бедер. В результате этого, она может скручиваться в длинные складки, похожие на крылья. Они также как и все тело животного покрыты шерстью и, если в этих складках есть наличие мышц, то они способны двигаться вверх-вниз»⁴.

Одной из отличительных черт повествования Натальи Рузанкиной является то, что писательница часто пытается изобразить особый замкнутый мир, где личность отрывается от механизма автоматического существования и пытается управлять нравственными ориентирами, сложить вокруг себя виртуальную, тщательно скрываемую от окружающих реальность. В произведении «Дом», жанр которого характеризуется автором как сказка, дом – это особая категория пространства, которая аккумулирует, наряду с физическим, духовные устремления или их отсутствие. Этим можно объяснить зачин рассказа. Изобилие глаголов типа «жил», «хранил», «забыл» и т.п. создает эффект одушевления здания, дает возможность почувствовать его нравственную сущность. Намечившаяся в описании диспозиция «дом – кот» практически сразу снимается: «Дом был устроен так, что ему необходимо было жить для кого-то, заботиться о ком-то. Без этой заботы он болел и умирал. Теперь дом жил для Кота и по ночам показывал ему звезды, называя их по именам»⁵.

В связи с этим интересно, на наш взгляд, обыгрывается одушевленность дома и бездушные юнцов. «Они стояли на пороге маленькой уютной гостиной, с потускневшими от времени обоями, и пожелтевшими фотографиями в резных деревянных рамках, и были они похожи на заблудившихся зверей (выделено нами), после долгих странствий прибывших к жилью человека. Но чужими было для них то жилье, и законы, и вкусы их оставались звериными... Тол-

³ Рузанкина Н.А. Король и Тварь // Странник. – 1999. – №3. – С.4.

⁴ Крылатый кот // Новые Мифы. Аномальные явления [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.newmif.ru/anomalii/26> (26.06.2014).

⁵ Рузанкина Н. Кот // Возраст, которого не было: повести, рассказы. – Саранск: 2005. – С. 108.

стый рыжий кот, дружелюбно урча, спрыгнул с кресла и потерял о ногу девушки...»⁶. Именно бездушие, жестокость входят в понятие зверства. И собственно зверь, кот, становится одной из жертв циничного Хана, умственно недоразвитого Щербатого. Сцена убийства кота становится переломным моментом в изображении сущности дома. «Щербатый вонзил коту отверстие в теплый и пушистый живот, жмурясь и матерясь, когда на руки хлынула липкая кровь. Раздирающий, утробный вопль живого существа повис над сводами дома в ночи, и дом тоже закричал, закричал от смертельной режущей боли, пронзившей все его нездешнее существо. До последней минуты он не верил, что можно убить это рыжее, солнечное творение, это начальное зеленоглазое чудо, что усыпляло его своим мурлыканьем в ледяные и страшные предрассветные часы. Он был наказан за неверие и кричал еще две минуты; пока билось, затихая, в руках Щербатого маленькое золотое тельце, и разноцветная теплая требуха сползала на руки нечеловека. И в нем не было ничего больше, кроме боли и тьмы»⁷.

Сопоставление трех реконструированных фрагментов картины мира (начальное описание дома, встреча с молодыми людьми, смерть кота) позволяет выявить универсальные черты и индивидуально-авторские «приращения» понятия «дом» в анализируемом рассказе. Это не просто пространство, укромное и надежное. Это духовная сущность, наполненная миром гармонии, хранилище памяти о прошлом, о событиях, чувствах, о хозяине. Объяснимо и то, что к дому как привязан кот. Кроме того, в процессе разворачивания событий в рассказе получает развитие противопоставление «дом (кот) – люди». Причем степень одушевления здания и животного позволяет писательнице наделять их рефлексией, практически отказав в ней молодым людям. В связи с этим не случайна реакция дома на гибель кота: балкой убиты его мучители. В живых осталась только девушка. Лишь в ней жива душа. Это чувствует кот при их первой встрече, это осознает и дом в момент смертельной для нее опасности.

Использование животного в качестве центрального персонажа имеет сюжетобразующее значение, где особую роль играют, например, приверженность и эмблемность образа кота. В рассказе «Кот», имеющем посвящение коту Бегемоту, ключевая функция заглавия дает возможность обобщения специфики мировоззрения писательницы и предполагает выявление общего представления о функции главного персона-

жа. Вполне объяснимо и то, почему автор повествования в качестве своего темного ангела, превращенного ею самой в демона, выбирает кота. Смещение кельтской традиции (это существо, которое помогает в сложных жизненных ситуациях, когда требуется мобилизация всех внутренних сил, когда кажется, что настал тупик и уже ничего не исправить. Именно кот приходит тогда человеку на помощь. Именно кот помогает сохранить внутренние силы, собраться и справиться с тяжелой ситуацией) и русских верований (в облике черной кошки часто представляют нечистую силу или ее приспешника-помощника. В то же время кошка, как полагают, способна видеть нечистую силу, невидимую для человека. В образе кота может появляться черт. В кошачьем облике представляют души умерших, особенно тех, кто искупает после смерти свои грехи или умер не своей смертью), позволяет писательнице создать свой неповторимый образ пушистого животного.

Наиболее интересный и сложный образ кота создан Натальей Рузанкиной в «Возвращении». Следует подчеркнуть, что в романе несколько «кошачьих образов», при этом в «центральном образе» животного заметно влияние творчества М.А.Булгакова, а, конкретнее, созданного им Бегемота: «Он обернулся в страхе. Проклятие любви покинуло его, но проклятие дружбы было возле. Человеческие черты покинули облик Друга, и в ином облике увидел он его – в облике маленького домашнего зверя... Принц опустил руку на голову Друга, обращенного им в Кота, и застыл так под нежной жемчужной пеленой снега...»⁸.

«В различных мифопоэтических традициях распространены мотивы превращения кота в человека и обратного превращения человека в кота, как и следствие – наличие форм, совмещающих элементы кота и человека, неуловимость границ между кошачьим и человеческим»⁹, отчасти позволяет объяснить происхождение «кошачьих» привычек у человека и соответствующей манеры поведения. Продолжая данные традиции Наталья Станиславовна Рузанкина предлагает читателю в своем романе «Возвращение» именно образ такого животного. Лучший друг центрального героя принял обличье кота после необоснованной обиды и ревности со стороны героя. Сомнения в дружбе, любви здесь сродни предательству. Принц, главный герой, наказан. С этого момента он становится Странником, нигде нет ему приюта. Лишь память о Зеленой Долине, месте,

⁶ Рузанкина Н. Кот // Возраст, которого не было: .... – С.110.

⁷ Рузанкина Н. Кот .... – С. 113.

⁸ Рузанкина Н. Возвращение. – Саранск: 2008. – С. 12.

⁹ Животные в мифологии: Кот, Кошка // Мифологическая энциклопедия: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://myfholgy.info> (26.06.2014).

где он когда-то был счастлив, остается ему в этом мире.

Традиционно «кот – животное, причастное, согласно мифологическим представлениям, к нечистой силе или к языческим божествам радости веселья»¹⁰. Это в полной мере использует писательница. Однако нельзя не отметить и тот факт, что образ кота у Н. Рузанкиной постоянно отсылает читателей к более раннему литературному персонажу – образу кота Бегемота в романе «Мастер и Маргарита». Предложены читателю в духе Бегемота рассуждения спутника Странника: «Холодно, сыро, и всё подураски... – продолжал капризничать Кот. – Знаешь, я готов смириться даже с кошачьим обликом, в который ты одел меня когда-то, только бы не пускаться по этой чертовой дороге... Ну, и куда мы теперь?»¹¹. Или: «За тысячи лет, – назидательно сообщил Кот, – можно было научиться их языку»¹². «Приятно познакомиться, это – тень, – зловредно мяукнул Кот»¹³.

Если в романе М.А. Булгакова реплики Бегемота пародийно оттеняют слова Воланда, то в романе «Возвращение» Кот часто спорит со Странником, позволяя себе поучения: «Тоненькая, будто фарфоровая девушка промелькнула возле, и в глазах Странника проступило восхищение. – О, да! – насмешливо закивал Кот. – Фарфоровая Психея! Она мечтает об удачном замужестве, о кухне, наполненной разноцветной дрянью, о шкафах, набитых душистым бархлом, и она получит все это, а потом ужаснется и умрет»; при этом Кот обладает проницательностью: «– Помешалась, – с жалостью заметил Кот. – Всю жизнь несчастную интересовали лишь два восхитительных вопроса бытия: что сколько стоит и кто с кем спит»¹⁴.

За ужином после бала Бегемот угощает Маргариту спиртом и пьет сам, Кот Рузанкиной в этом отношении является противоположностью Бегемота: «– Да не пью я! – сердито воскликнул он, отмахиваясь от очередного кубка, который пытался вручить ему некто в клюквенном кафтане и в клюквенной же, заломленной набок шапке с рысьей опушкой»¹⁵. Более того, в одной из сцен спасти героев может только тот, кто не пробовал вина из рога Изобилия. Таким оказывается Кот, который разбил рог и освободил «пленных». Заметно здесь и проти-

вопоставление образа Кота из романа Н. Рузанкиной со сказочно-мифическим персонажем – котом Баюном, убивавшим богатырей и добрых молодцев. Он усыплял героев своими разговорами и пением, а потом убивал спящих страшными железными когтями. Действие же рузанкинского кота противоположны: именно преданность и справедливость ведут его. Освобождение Святогора – удел Странника, где помощь кота-друга трудно переоценить. Свобода дарована богатырю. Город Китеж восстал из глубин. На этом второе испытание закончилось. На горизонте вновь появилась бесконечная дорога. Но так еще далеко до спасительной Долины. По дороге к ней Странник и Кот шагают вместе.

Важной чертой образа кота в фольклоре и литературе является хитрость, способность к обману и плутовству, что позволяет соотнести его с фигурой трикстера: «Хранитель, медлительный и важный, как персидский вельможа, весь в лилово-золотом, праздничном, торжественно пил чай на террасе и смотрел на спутников дымчатыми глазами. Кот, чувствуя перед собой родственную душу, улыбнулся светло и загадочно, а Странник помрачнел»¹⁶.

Подобно булгаковскому Бегемоту у Рузанкиной Кот комично проявляет склонность к философствованию «Вернувшаяся память – жестокая вещь, и как избавиться от нее – я не знаю. Я не заслужил подобного обличья, как и она – этого страшного города, но... прости меня» и жуликоватость: «– Я не сожрал! – запротестовал Кот, цепляясь за руку Странника. – Я просто поймал и спрятал. Они были такие красивые! Вроде рыбы, а вроде звезды, с лучами и плавниками»¹⁷. Кот обладает мистическими способностями: «С грозным и набирающим какие-то невыносимые ноты мяуканьем он вскочил на стол, разбрызгивая винные лужи, и, урча, вцепился в рог Изобилия, в высокий перламутровый гребень его, живой и подрагивающий. Рог заверещал пронзительно, и, казалось, захлебнулся собственным колдовским вином, и миг стал студенистой розовой плотью в лапах Кота»¹⁸.

Во время последнего полета Бегемот принимает истинный облик «худенького юноши, демона-пажа, лучшего шута, какой существовал когда-либо в мире»¹⁹. В романе «Возвращение» Кот когда-то был человеком и страдает, пребывая в шкуре кота и остается в ней: «– Я не хочу ждать! – зло воскликнул Кот. – Тебе не понять, ты остался в образе человека! Мне оста-

¹⁰ [О героях цикла «Повести Белкина» \[Электронный ресурс\] – Режим доступа: http://schooltask.ru/gerojax-cikla-povesti-belkina/](http://schooltask.ru/gerojax-cikla-povesti-belkina/) (26.06.2014).

¹¹ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 31.

¹² Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 28.

¹³ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С.35.

¹⁴ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 36.

¹⁵ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 110.

¹⁶ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 38.

¹⁷ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 45.

¹⁸ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 112.

¹⁹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: 2011. – С. 328.

вили только человеческую речь да человеческий ум и одели в кошачью шкуру, и всё зачем, для чего? Зачем мне теперь Долина? Я вижу сказку и золотые шары, я вижу звёзды, и всё, о чем я мечтал, сбудется сейчас!»²⁰. Для перехода из одной субстанции в другую персонаж не использует какое-либо дополнительное средство. Эта пограничная экзистенция существует как данность, способность избранных. Именно этой избранности и лишен Кот в силу обиды на своего друга, только преданность и чистота души позволяют ему преодолеть желание мстить ему, а природная душевность и жалость позволяют помогать Страннику. Но простить он не может предавшего, через смерть лежит для Кота возвращение в прежний облик.

В романе Н. Рузанкиной Кот сталкивается и с «кошачьей реальностью»: «Облезлые тощие кошки с жуткими воплями потрошили мусорные бачки, и при виде их Кот, оказавшийся внезапно рядом будто по волшебству, только грустно вздохнул»²¹. «Кошачьими образами» Н. Рузанкина окружает и жизнь Принцессы после разрушения ее мира. Теплое авторское отношение позволяет дать имя девушке – Лера. Очевидно, имя неслучайно: Лера – производное от Валерии, данное имя с латинского переводится как «сильная». Заподозренная в измене, лишённая любви, незаслуженно наказанная, она не сломлена, и оказавшись в легко узнаваемом читателем мире провинциального городка, готова бороться за Зеленую Долину, за потерянную любовь.

В пространстве Леры образы кошек различны по своей функциональной нагрузке, их много. Автор использует их, например, как для описания быта героев: «Пропахшая кошками душная сырость Лерочкиного подъезда»²², так и с целью показа душевных качеств героев. «И как ты еще живешь от зарплаты до зарплаты? – изумляется Лерочка. – Целый полк усатых-полосатых – их же кормить надо! В твои годы уж внуков нянчат»; «– Сына у нее в армии убили, сына! «Усатые-полосатые», «внуков нянчить!»! Соображать все-таки надо хоть немного»²³. Здесь, используя уже знакомый код Бегемота, писательница делает пушистого спутника человека мудрым помощником, «добрым, ученым» котом, искренне сопереживающим своему хозяину: «Кошачье царство Татьяны Ивановны мирно поживает на диванах и креслах»²⁴; «ее теперешний, тихий и спокойный

мир – кошки да фотографии давно ушедших....»²⁵.

На Руси кошка издавна почиталась как хранительница домашнего очага, символ уюта, считалось, что она обеспечивает благополучие, поэтому не случайно, описывая состояние героев, писательница часто использует «кошачьи образы»: «... я снова вижу маленькую комнату с высоким окном, фотографии на стенах, разноцветных пушистых кошек.... . Что-то произошло с этой женщиной, в той милой, в пестрых салфетках и вышитых скатертях комнате, среди кошачьего мурлыкающего государства, сердце не обманывает меня»²⁶.

В данной части пространства романа коты выступают в роли положительных существ, сообразительных, добрых, мудрых: «Кремовая кошечка, уютно мурлыча, устраивается на коленях бабы Кати, на цветастом переднике, полосатый разбойничий кот вылезает из-под стола и сворачивается клубком на топчане у плиты»²⁷; «Толстый черный кот плескуче, позмеиную взлетает на высокое трюмо, но цепляется когтями за угол вышитой салфетки и с печальным мявом обрушивается на пол. Мы смеемся, а осенний вечер становится совсем сафировым»²⁸.

Кошачье семейство, которое почти случайно оказывается у одной из героинь, становится для нее синонимом счастья: «– Баб Кать, возьми! Приюти ради Бога, мне спешить надо. Две плетеные крытые корзинки опускаются у ног бабы Кати, чистящей яблоки для варенья в крохотной закопченной кухоньке. Из одной плетёнки, сметя крышку, оскорбленно выскакивает «пиратский» кот и с диким мявом устремляется под стол, кремово-изысканная Леди, покинув заточение, пугливо сжимается в комок у порога. «Господи! – Екатерина Карповна роняет очки в яблочные очистки, близоруко щурится, разглядывая неожиданных гостей, улыбается растерянно. – Ах вы, болезные... Мой-то Федот полгода как пропал. Прибил кто, али собаки разорвали, я уж плакала, плакала... Вот и пустяки вроде – кошки, а скучно без них, и на сердце – как в зимнюю ночь?»²⁹.

Следует отметить, что реализация образа кошки прослеживается в сравнительных оборотах писательницы: «Татьяна Ивановна шевельнулась в углу серой сонной кошкой и сочувственно блеснула на меня бифокальными очками»³⁰. Или: «Отсутствие мужика на нее дейст-

²⁰ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 145.

²¹ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 35.

²² Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 88.

²³ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 57.

²⁴ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 129.

²⁵ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 134.

²⁶ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 140.

²⁷ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 143.

²⁸ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 136.

²⁹ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 142.

³⁰ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 18.

вует, – обиженно гудит из своего угла, завешанного кошачьими физиономиями, Татьяна Ивановна....», «...на дорогу вышел рыжеволосый сероглазый Воин и улыбнулся светло и свободно. В лице его еще оставалось что-то кошачье...»³¹.

Именно в «женском» пространстве Наталья Рузанкина создает своеобразный «кошачий мир»: «Вирус смеха пробирается ко мне, и я утыкаюсь лицом в букет сирени, и кажется, начинает смеяться сам букет; вирус смеха прилетает и в самый дальний угол, где, чуть примурлыкивая, начинает смеяться Татьяна Ивановна, и все кошки, и котята, изображенные на календарях и открытках...», «За грехи наши тяжкие... – бормотала из «кошачьего» угла Татьяна Ивановна»³². Здесь «процесс понимания состояния связан с возможностью его выражения, при этом понимание эмоций не менее сложно, чем их выражение»³³.

Интересно деление романа на «женское» и «мужское» испытания. «Социальный прогресс с его демократизацией отношения полов, стирание границ между «мужским и «женским»³⁴ здесь напрочь отсутствует. Для писательницы характерен разный подход к изображению психики мужчины и женщины. Между тем гендерный аспект повествования не первичен, более того, он важен только как элемент создания различного рода эмпатии: обидевшего и обиженного героев в свете общего прощения и чуда, подвластного только Предвечному.

Мы совершенно согласны с Е.Н.Родиной, которая считает, что «человек, включаясь с качестве элемента в различные системы, проявляет различные виды активности»³⁵. Более того, в нашем случае это распространяется и на образ Кота в романе. А метаморфозы *Друг – Кот – Тот, который был котом* не меняют человеческой сущности этого человека, готового отдать свою жизнь за справедливость. Ему свойственны и отчаяние, и разочарование. Но это цельная натура, позволяющая писательнице не только изобразить палитру противоречивых чувств и переживаний, но и сделать ее узнаваемой и близкой читателю.

³¹ Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 18.

³² Рузанкина Н. Возвращение: .... – С. 19

³³ Ключко О.И., Татюшева Е.И. Гендерная асимметрия жизненных перспектив школьного разного возраста // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – №1. – С.82.

³⁴ Алаева М.В. «Линзы гендера» в понимании психического состояния другого человека // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – №1. – С.115.

³⁵ Родина Е.Н. Аксиологический статус творчества в инновационном обществе // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – №3. – С. 42 – 44.

Художественная картина мира Натальи Рузанкиной включает черты мифопоэтического мышления, а образ кота в ней – многогранен и сложен. Антропоморфный пушистый персонаж становится для писательницы неким мерилом чувств. Отсюда довольно много в повествовании автора узловых моментов в характеристиках героев, связанных с «кошачьим» маркированием. Например, «Без обид, сынок, – сверкающе улыбнулся Хозяин, закидывая со лба редкие потные смявшиеся пряди, усмехаясь блудливо, по-котовьему, – без обид, малый! Красивая баба – как куст цветущий, каждый понюхать хочет»³⁶. Так в описании состояния героя писательница нацелена на наиболее точное и емкое определение причин и доминант переживаний: «Постоял, шатаясь, в кухне, поискал безумными глазами мать – не было, – вздохнул, всхлипывая, обреченно. Пил три дня в квартире у друга, кричал по ночам, ибо снилось пережитое, и тогда-то ласковой домашней кошкой поселилась под сердцем боль, мурлыкая (выделено нами) умиротворенно, призывая забыть минувшее и тут же вгрызаясь в еще кровоточащую рану»³⁷, или «Он сидел, откинувшись, созерцая сквозь стекло серое, тревожное озеро, невообразимо красивое в рыжей, рдяной оправе леса, он созерцал озеро и сражался с болью. Домашней, соскучившейся по ласке кошкой была боль, уютно мурлыча, она прыгнула к нему на грудь и сцепилась в сердце»³⁸ (выделено нами). Он не мог оторвать ее от себя, не мог избавиться от нее, ибо знал: вслед за ней придет великое вселенское равнодушие, имя которому – смерть. Он еще цеплялся за мир, цеплялся памятью, в которой, как драгоценные осколки жизни, вспыхивали лучшие часы и дни его. Полузатопленный до горизонта луг в желтых сполохах калужниц, школьный бал и первый поцелуй глазастой молчаливой девочки, ласково прозванной «котенком»³⁹.

Таким образом, указывая на традиционность изображения кота как носителя определенного начала, Наталья Рузанкина оттачивается от веками сложившегося образа мифологического, фольклорного персонажа. Ее увлечение народными представлениями и верованиями находит свою реализацию, как на уровне композиции, так и на уровне системы образов произведений. Не отступаемы и от высказанного уже постулата об ув-

³⁶ Рузанкина Н. Однажды осенью. – Саранск: 1999. – С. 175.

³⁷ Рузанкина Н. Однажды осенью. .... – С. 176.

³⁸ Рузанкина Н. Однажды осенью. .... – С. 177.

³⁹ Рузанкина Н. Однажды осенью. .... – С. 177.

лечения писательницы литературным наследием М.А.Булгакова⁴⁰. Но вместе с тем, мы готовы констатировать и тот факт, что образ кота в творчестве избранного автора динамичен, приемы его изображения противоречивы и разнообразны, а умение маркировать «кошачьими» признаками манеры поведения, палитру чувств героев позволяют говорить о

мастерстве писательницы и об особом уровне психологизма ее повествования, ассоциативно-эмотивный план которого близок и знаком современному читателю.

⁴⁰ Православные традиции и поиски себя в русской прозе Мордовии конца XX – начала XXI века: .... – С. 138.

ASSOCIATIVE AND EMOTIVE IMAGE OF THE CAT IN THE WORKS OF N.RUZANKINA: TRADITION AND INNOVATION

© 2014 Ye.A.Zhindeyeva¹, Yu.I.Shchankina²

¹ Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E.Evseyev

² Mordovia State University named after N.P.Ogarev

The article presents the research concerning the associative and emotive representation of the cat image in the works of the contemporary writer Natalya Ruzankina. The authors employ the traditional techniques of animal depiction in the fiction and interpret the writer's ideas about the cat image function such as transformation of the categories "good" and "evil" as the conflict unfolds.

Keywords: tradition, innovation, cat image, conflict, author's reflexion, techniques of reality depiction, author's consciousness.

^o *Yelena Aleksandrovna Zhindeeva, Doctor of philology, professor, head of Department of Literature and Literature Teaching Methodology.*

E-mail: jindeeva@mail.ru

Yuliya Ivanovna Shchankina, Candidate of Philological Sciences, doctoral student of Department of Russian and Foreign Literature.

E-mail: juli704@mail.ru